

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39
Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10
--	----

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджита («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпиграфического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четырова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

И.С. Гуревич

Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики китайского языка¹

Исследование исторической грамматики китайского языка любого периода начинается с выбора оптимального круга материала-источника. Применительно к периодам Лючао и Тан наиболее репрезентативными текстами-источниками оказались произведения буддийской литературы: ранние переводы на китайский язык буддийских сутр для эпохи Лючао и соответственно танские буддийские *юйлу* школы *чань* для эпохи Тан.

В статье рассматриваются основные параметры грамматики упомянутых периодов и приводятся доказательства того, что буддийские тексты отразили разговорный язык соответствующей эпохи в значительно большей степени, чем оригинальные китайские произведения того же времени.

Ключевые слова: историческая грамматика, ранние переводы буддийских сутр, *юйлу* школы *чань* (*dhyāna*), буддийские/небуддийские *бяньвэнь*, репрезентативные источники, период Лючао, эпоха Тан.

Статья посвящена некоторым аспектам исторической грамматики китайского языка III—X вв. н.э., т.е. эпохи Лючао (точнее, III—V вв.) и Тан (618—907 гг.).

Первый шаг исследователя, приступающего к изучению истории китайского языка любого периода (и как частного случая исторической грамматики того или иного периода), — определение оптимального круга письменных источников.

В отношении китайского языка означенного периода, характер грамматической структуры которого предлагается рассмотреть в данном сообщении, доминирующую роль в качестве материала-источника играют буддийские тексты.

Роль буддийских текстов неосцинима в виду того, что они в наибольшей степени по сравнению с другими памятниками того же времени отразили разговорный язык своей эпохи. Этот тезис я постараюсь доказать на материале ранних переводов на китайский язык буддийских сутр (III—V вв.), буддийских *юйлу* (записей бесед Наставников) школы *чань* (禪 *dhyāna*) эпохи Тан (618—907), а отчасти также принадлежащих к той же танской эпохе дуньхуанских *бяньвэнь* (敦煌變文) на буддийские сюжеты.

---

¹ Статья выполнена при поддержке РФНФ (грант № 12-04-00007) и является продолжением цикла статей под названием «Буддизм и язык».

Исследуя грамматическую структуру китайского языка III—V вв. (Гуревич, 1974) я сопоставляю две группы источников — тексты ранних переводов буддийских сутр² и оригинальных китайских памятников того же времени³. Полученные при этом результаты фиксируют две позиции.

Почти все отмеченные в буддийских текстах новые грамматические явления не являются специфичными только для этих текстов, они встречаются и в оригинальных китайских источниках. Из этого следует, что они присущи языку рассматриваемого периода в целом.

Языковые характеристики разговорного языка эпохи в произведениях буддийской литературы отражены значительно полнее и в более концентрированном виде, чем в текстах оригинальных китайских памятников. Так, например, 1) если грамматическая категория сохраняется в истории языка на протяжении длительного периода, а меняется лишь её показатель, то новый показатель гораздо чаще встречается в буддийских текстах, старый же — либо вовсе в них не встречается, либо встречается крайне редко; в небуддийских текстах — картина обратная (сравним употребление заместителей предикатива 爾 *er* и 然 *ran* 'так', 'поступать так', показателей будущего времени 當 *dang* и 將 *jiang*, показатель каузатива 令 *ling* и 使 *shi* и др.); 2) если служебное слово выражает категорию, которой вообще не было в древнекитайском языке, примером чего может служить связка 是 *shi* 'есть', то в буддийских текстах именные предложения, образованные с помощью связки, встречаются чаще, чем образованные другими способами, характерными для древнекитайского языка; 3) в случае, когда у служебного слова возникают новые функции или значения (сравним превращение указательного местоимения 他 *ta* 'другой' в неопределённо-личное 'кто-то', а затем в личное 'он'), то эти последние отмечены почти исключительно в буддийских текстах, в небуддийских же источниках встречаются только старые значения; 4) можно констатировать, что грамматические элементы, обычные для древнекитайского языка (например, показатель прошедшего времени 嘗 *chang*) часто встречаются в небуддийских текстах, но их почти нет в переводах буддийских сутр.

Если представить это в виде таблицы, где некоторые сопоставляемые слова образуют пары, можно увидеть, в каких буддийских или оригинальных китайских (небуддийских текстах), какое слово из пары встречается чаще (порядок расположения слов в паре — «новое-старое»).

² Полностью были обследованы тексты «Бай юй цзин», «О царевиче Сюйдане». Другие тексты обследованы в отрывках, вошедших в книгу «Чан Жэнь-ся», 1958. Составитель отобрал эти тексты, руководствуясь изданием Chavannes, 1934.

³ Были обследованы «Гань Бао»; «Лю И-цин»; «Ян Сюань-чжи».

Название памятника	我 ⁴	吾	爾	然	當	將	令	使
百喻經 Бай юй цзин	73	—	26	8	13	4	11	24
太子須大拏經 Тайцзы Сюйдана цзин	> 100	2	5	—	40	2	24	12
搜神記 Соу шэнь цзи	20	15	2	5	18	15	15	20
世說新語 Ши шо синь юй	12	3	6	8	16	10	3	11

Язык ранних переводов буддийских сутр нельзя характеризовать как чисто разговорный, однако можно совершенно определённо утверждать, что он ближе к разговорному языку, чем язык других памятников, созданных в этот период. Это в значительной степени объясняется тем, что *функциональную направленность* своих проповедей проповедники буддизма видели в том, чтобы привлечь к новому учению максимально широкую аудиторию будущих адептов. Поэтому, и особенно учитывая устный характер буддийской проповеди, переводчики стремились сделать её возможно более *выразительной* и понятной собравшимся; отсюда и близость языка проповедей к разговорному и максимальное использование всего заложенного в языке арсенала средств воздействия.

Сказанное объясняет тот факт, что для периода III—V вв. ранние переводы текстов буддийских сутр на китайский язык оказались самыми репрезентативными памятниками, дающими наиболее ценный материал для изучения разговорного языка указанного периода. Такое положение объясняется простой логикой: апологеты буддизма, заинтересованные в привлечении возможно большего числа слушателей, стремились сделать максимально понятной собравшимся свою (устную!) проповедь, для чего старались приблизить её язык к разговорному языку времени⁵.

Что касается эпохи Тан, то картина здесь следующая: различные жанры танской прозы весьма значительно отличаются в языковом отношении (речь идёт о языке *гувэнь* — танской новеллы, дуньхуанских *бяньвэнь*). Как тексты, уникальные по степени отражения грамматических особенностей разговорного

⁴ Местоимение 我 *wo* употреблялось в разные периоды истории языка, обычно оно и для современного китайского языка; местоимение 吾 *wu* характерно для древнекитайского.

⁵ Отсутствие иллюстративного материала в этой части статьи объясняется отсылкой к исследованию, специально посвящённому грамматической системе периода III—V вв. (См. сн. 2).

языка своего времени, пристальное внимание исследователей привлекли тексты буддийских *юйлу* школы *чань*, представляющие собой записи проповедей, речей и бесед чаньских монахов⁶. Последние, обсуждая сюжеты, интересные рядовому человеку, старательно избегали номенклатуры буддийской философии, стараясь пользоваться языком, который был в ежедневном употреблении у простого народа.

На основе грамматического анализа таких наиболее известных текстов в жанре *юйлу*, как «Линь-цзи лу»⁷, названного Янагидой Сёйдзан «королём» жанра *юйлу*⁸, и текста «Записи бесед мирянина Пана»⁹ был получен богатый материал, позволяющий судить о чаньской традиции в конце эпохи Тан, о методе и практике чань в целом, о специфике этого метода и практике самого Линь-цзи — в частности.

Реализуя свой метод, Линь-цзи пользовался приёмами, совокупность которых составила то, что называли техникой линьцзиевой ветви чань. Последняя отличается довольно грубым, можно сказать, агрессивным характером, именно этими свойствами определяются основные стилистические особенности рассматриваемого памятника. Эллиптические формы высказывания превалируют над пространными, законченными; читателю то и дело приходится что-то представлять, угадывать; вместо выводов — намёки, делать же выводы доверено интуиции читателя (изначально в этой роли выступал, очевидно, слушатель). Поставленный вопрос, как правило, перебивается другим вопросом, никак с предыдущим не связанным. Аргументация скачкообразна, а продвижение к истине происходит словно «со связанными ногами». Для «попадания в цель» нужен был такой уровень натренированности, что в овладении оным не был, пожалуй, уверен в отношении собственной персоны и сам Наставник, то есть Линь-цзи.

Повороты мысли в «Линь-цзи лу» настолько непредсказуемы, что порой текст может показаться бессмысленным, поэтому каждый, кто соприкасается с этим текстом, не должен искать в нем привычную для себя логику, ибо алогизмы — одна из стилистических особенностей этого текста. На словесные потоки оппонента Линь-цзи реагировал окриком или физическим воздействием в виде ударов палкой, резким вскакиванием со стула, уходом из Зала и т.п. Весь комплекс подобных приёмов Линь-цзи называл «действовать всем существом» (全體作用 *quanti zuoyong*). Сейчас об этом говорят как о «шоковой терапии».

⁶ Подробно об этом в кн.: Гуревич. Линь-цзи Лу.

⁷ «Записи бесед Линь-цзи».

⁸ Yanagida Seizan. P. 70–94.

⁹ «Записи бесед мирянина Пана».

Содержательная сторона текста требовала соответствующего языкового воплощения, так что для понимания отдельных пассажей подчас требовался специальный «ключ», который, согласно Дюмевилю, передавался изустно (Demiéville, p. 4). Это дало основание известному учёному утверждать, «...текст этот оставляет столько загадок для исследователя...» И далее: «...язык памятника столь идиоматичен, что при современном состоянии наших знаний разговорного языка того времени переводить его очень нелегко» (там же, p. 3).

Как было замечено выше, стилистику памятника, его выразительные средства определяли метод и техника линьцзиевой ветви *чань*. Текст «Линь-цзи лу» невероятно метафоричен: так, например, призыв ...殺佛 *sha Fo* ...殺祖 *sha zu* ...殺羅漢 *sha luohan* ...父母 (§ 63) *sha fumu* «...убить Будду... убить патриарха... убить архата... убить родителей» отнюдь не предполагал прямого смысла. Один из приёмов в тексте — игра слов: так обыграны значения глагола 喫 *chi* ‘есть’ и ‘подвергаться’ (§ 91); широко рассыпаны по тексту бытовавшие в эпоху Тан вульгаризмы: 赤肉團 *chi rou tuan* ‘груда красного мяса’, обозначающее недостойную личность или 尿牀鬼子 *niaochuang guizi* ‘сопляк, писающий под себя’ и др. Обращаясь к лексическому составу языка памятника, обнаруживаем большое число глаголов с семантическим значением активных физических действий: 打 *da* ‘бить’ встречается почти в каждом параграфе; 拽 *zhuai* ‘отбросить’ (§ 12), 掌 *zhang* ‘дать пощёчину’ (§ 91), 把住 *bazhu* ‘схватить’ (§ 13), 托開 *tuokai* ‘отбросить’, ‘отшвырнуть’ (§ 13) и др.; многократно отмечены словосочетания с существительным 棒 *bang* ‘палка’: 喫棒 *chi bang* ‘отведать палки’ (§ 17, 89, 111, 124, 128), 三十棒 *san shi bang* ‘тридцать палочных ударов’ (§ 106, 124).

Однако стилистика языка отнюдь не исчерпывается областью лексики, целевая направленность текста требовала и определённых грамматических средств выражения. Как отмечает А.А. Драгунов, «подчёркнутость, достигаемая чисто грамматическим путём, носит более экспрессивный, более категорический характер» (Драгунов, 1962, с. 197). Целевая направленность текста формировала собственную грамматическую стилистику языка, которая характеризовалась частым использованием инверсированных или трансформированных конструкций, имеющих подчёркивающее, выделительное значение. Безусловное преобладание нераспространённых и неполных предложений свойственно диалогической речи, составляющей основу *юйлу*; часто используются и слова-предложения. Приведу некоторые примеры:

山是山, 水是水, *Shan shi shan, shui shi shui* ‘Гора (есть) гора, вода (есть) вода’.

山曰, 誰。士曰, 龐公 *Shan yue, shui. Shi yue Panggong* [Сун]-шань спросил: ‘Кто [гость]?’ ‘Господин Пан’, — отвечал Мирянин. (Записи бесед..., с. 101).

士入來 *Shi ru-lai* ‘(Пан цзюй) ши вошёл’ (там же, с. 107).

山曰: 是是 *Shan yue: shi shi* ‘(Яо)-шань сказал: «Правильно, правильно»’ (там же, с. 113).

照曰: 去也 *Zhao yue: qu ye* ‘(Лин)-чжао сказала: «Ушёл»’ (там же, с. 195).

Значительная часть конструкций так или иначе связана с функционированием связки 是 *shi*. В первую очередь следует указать конструкцию, когда в связочном предложении в позиции подлежащего стоит вопросительный местопредикатив 如何 *ruhe* (иногда 云何 *yunhe*) ‘каков?’, ‘как обстоит дело?’, ‘что значит?’.

如何是無位真人? *Ruhe shi wu wei zhen ren?* ‘Человек без места — что это значит?’ (там же, с. 13)

如何是佛法大意? *Ruhe shi Fo fad a yi?* ‘Каков великий смысл Дхармы Будды?’ (там же, с. 16)

云何是法? *Yunhe shi fa?* ‘Что есть Дхарма?’ (там же, с. 33).

Такая конструкция представляет собой инверсию, с помощью которой устраняется расхождение между логическим и грамматическим подлежащим.

К числу трансформированных конструкций, часто используемых в юйлу, относятся связочные предложения с предикативом (или предикативным сочетанием) в позиции подлежащего, которые получаются в результате трансформации соответствующих глагольных предложений, когда в грамматическое сказуемое превращается то, что логически является для говорящего наиболее важным, например:

無事是貴人 *Wu shi shi guiren* ‘(Тот, кто) не у дел, и есть благородный человек’ (там же). Исходный вариант: 貴人無事 *Guiren wu shi* ‘Благородный человек не занимается делами’.

Подчёркиванию также служит конструкция с 是 *shi*, в которой последнее выступает не в связочной (или не в чисто связочной) функции: речь идёт об употреблении 是 в глагольных предложениях, а также в начале простого предложения (утвердительного или вопросительного), иногда — и в начале условного предложения. Примеры:

誰是落便宜者 *Shui shi luo bian-yi-zhe?* ‘Кто же лишается выгоды?’ (там же, с. 65).

阿師得力句, 是誰得知 *Ashi de li ju, shi shui de zhi?* ‘Кто же сумел опознать ту действительную фразу, которую постиг наставник?’ (там же, с. 68).

是你四大色身, 不解脫法聽法 *Shi ni si da se-shen bu-jie tuo fa ting fa* ‘Именно ваше тело, (состоящее) из четырёх великих элементов, не способно ни излагать Дхарму, ни внимать Дхарме’ (Там же, с. 30).

是多少 *Shi duoshao?* ‘Так сколько же?’ (там же, с. 38).

Одной из очень характерных для языка юйлу конструкций — употребление 是 в альтернативном вопросе:

師便問，汝是凡是省 *Shi bian wen, Ru shi fan shi sheng?* ‘Тогда наставник спросил: «Профан ты или мудрец?»’ (там же, с. 96).

是我捉，是公巧? *Shi wo zhuo, shi gong qiao?* ‘Это я глуп или ты умён?»’.

Большинство рассмотренных выше грамматических конструкций отмечены не только в юйлу, но и в других памятниках танской эпохи (в текстах бяньвэнь и отчасти в чуаньци), однако буддийские юйлу по степени использования подчёркивающих конструкций, столь характерных для разговорного языка, бесспорно, держат первенство.

Данные, полученные в ходе исследования языка чаньских юйлу (подчеркну, что языковая структура юйлу рассматривалась в языковом контексте эпохи Тан, то есть в сравнении в первую очередь с языком дуньхуанских бяньвэнь), свидетельствуют о том, что язык юйлу содержит богатый и разнообразный набор новокитайских служебных слов. При этом важно учитывать — на это в своё время указывал ещё Масперо — что юйлу зафиксировали не какой-либо определённый диалект (в силу того, что, во-первых, наставники, которым принадлежали беседы и проповеди, происходили из разных мест и, во-вторых, они постоянно переходили из одного места в другое, обходя за свою жизнь почти всю страну), а официальный язык (官話 *guanhua*) (Масперо, р. 12).

Два момента позволяют утверждать, что язык чаньских юйлу максимально приближен к разговорному языку эпохи: 1) преобладание в грамматической структуре юйлу новокитайских служебных элементов над старыми и 2) присутствие в языке юйлу грамматических явлений, не зафиксированных в других текстах этого времени, но ставших регулярными в последующий период — эпоху Сун-Юань.

Раскрывая первый пункт, отмечу суффиксы существительных 子 *zi* (伴子 *banzi* ‘товарищ’, ‘спутник’, 擔子 *danzi* ‘ноша’, 坑子 *kengzi* ‘дыра’, ‘отверстие’), 家 *jia* (傍家 *rangjia* ‘сосед’, 主家 *zhujia* ‘хозяин’, 賓家 *binjia* ‘гость’), 頭 *tou* (舌頭 *shetou* ‘язык’ 十字街頭 *shizijietou* ‘перекрёсток’ 錐頭 *zhuitou* ‘шило’), 漢 *han* (老漢 *laohan* ‘старик’, 瞎漢 *xiahan* ‘слепой’, 風顛漢 *fengdianhan* ‘сумасшедший’, 癡頑漢 *chiwanhan* ‘глупец’), отдельные примеры на 兒 *er* (看牛兒 *kanniu'er* ‘пастух’, 巧兒 *qiao'er* ‘умелец’, 出嫁兒 *chujia'er* ‘монах’), префиксы 老 *lao* (老翁 *laoweng* ‘старик’, 老僧 *laoseng* ‘монах’) и 阿 *a* (阿兄 *axiong* ‘старший брат’, 阿師 *ashi* ‘Наставник’); в области слов-заместителей: тенденция местоимения 3-го лица 他 *ta* вытеснить старые 伊 *yi* и 渠 *qu*; отмечены отдельные случаи употребления двусложного возвратного местоимения 自己 *ziji* ‘сам’; указательное местоимение ближнего указания 這 *zhe* ‘этот’ чётко преоб-

ладает над старым 此 *ci* ‘этот’; в качестве вопросительных местоимений и место-предикативов 什麼 *shenma* (甚 *shen*) ‘что?’ и сочетания с ними: 作什麼 *zuoshenma* ‘зачем?’, 為什麼 *weishenma* ‘почему?’, 什麼物 *shenma wu* ‘что?’ и др. более обычны, чем старое 何 ‘что?’, ‘какой?’ и сочетания с ним. Определение регулярно оформляется на 底 *di*¹⁰ и 地 *di*. Из отмеченных новых наречий некоторые сохраняются и в современном языке (正是 *zhengshi* ‘как раз’, 也 *ye* ‘тоже’, ‘даже’, 還是 *haishi* ‘однако’, ‘разве’). Современная отрицательная связка 不是 *bu shi* вполне обычна для языка юйлу.

Касаясь второго пункта, следует обратить внимание на местопредикативы 祇麼 *zhima* и 這般 *zheban* ‘так’, ‘таким образом’. Первый отмечен в «Линь-цзи лу» шестью словоупотреблениями — все в функции определений к сказуемому:

莫祇麼…閑話過日 (§ 47) *Mo zhima...xian hua guo ri* ‘Не проводите так... дни в досужей болтовне!’.

你祇麼…作摸作樣 (§ 58) *Ni zhima...zuo-mo zuo-yang* ‘Вы же таким образом только... создаете шаблоны и творите образцы’.

祇麼不信，便向外求 (§ 65) *Zhima bu xin, bian xiang wai qiu* ‘Вы так не доверяете себе, что ищите [чего-то] вовне’.

Местопредикатив 這般 *zheban*, подобно 祇麼, зафиксирован в двух текстах юйлу пятью словоупотреблениями: во всех пяти случаях оно функционирует как именное определение, при этом 這 может сочетаться со словом 般 ‘род’, вид’ как непосредственно, так и через числительное — *yi* ‘один’ (формально такое сочетание похоже на конструкцию с классификатором):

好人家男女，被這一般野狐所著，便即捏怪 (§ 32) *Haο renjia nan-nv, bei zhe-yiban ye hu mei suo-zhao bianji nieguai* ‘[Вы], сыновья и дочери из благородных семей, будучи захвачены такого рода дикими лисами и злыми духами, оказываетесь околдованными’.

你取這一般老師口裏語，為是真道 (§ 52) *Ni qu zhe-yiban laoshi kou-li yu, wei shi zhen dao* ‘Вы принимаете за истинное Даο слова, [услышанные] из уст такого рода наставников’.

Замечу, что наряду с 這般 *zheban* встречается и самостоятельное (一般) (*yi*) *ban*, соответствующее современному — 樣 *yiyang* или — 種 *yizhong* ‘такой’ или (多) 般 (*duo*) *ban*:

法身從古至今與佛祖一般 (Основные принципы, с. 77) *Fashen cong gu zhi jin yu Fo-Zu yiban* ‘Со времён древности до настоящего времени тело Закона такое же, как у Будды и Патриарха’.

¹⁰ Морфема 底 была впервые зафиксирована в танских юйлу. См.: Ван Ли, 2000, с. 127.

實無許多般心 (там же, с. 76) *Shi wu xuduoban xin* 'На самом деле не существует многих видов разума'.

Как было отмечено выше, рассмотренные местопредикативы ни разу не встретились в других танских текстах, но стали регулярными в текстах рассказов периода Сун-Юань (XII–XIV вв.) (Зограф, 1979, с. 148, 158).

Не лишне будет ещё раз напомнить, что сопоставление двух групп памятников танской эпохи — чаньских *юйлу* и дуньхуанских *бяньвэнь*¹¹ обнаруживают весьма значительные различия по степени отражения теми и другими разговорного языка своего времени: новые служебные слова максимально используются буддийскими *юйлу* школы чань, тогда как в текстах *бяньвэнь* явно преобладают старые служебные слова. Так, для ближнего указания в текстах *бяньвэнь* старое 此 *ci* преобладает над новым 這 *zhe*, в части вопросительных местоимений нормой является 何 *he*; показателем определения служит 之 *zhi*; примеры вопросительных предложений, образованных с помощью частицы 麼 *ma* на конце, единичны и т.д. Однако не все тексты, относящихся к жанру *бяньвэнь*, выглядят в этом плане одинаково. Объяснить это можно тем, что внутри самого жанра чётко различаются две группы памятников — тексты буддийские и небуддийские (См. Гуревич, 1985). Попытаюсь выяснить, как соотносится язык каждой из названных групп текстов внутри одного и того же жанра *бяньвэнь* с разговорным языком своей эпохи.

Для сравнения из каждой группы было взято по несколько произведений (или отрывков произведений), примерно равных по объёму. Так, из группы буддийских *бяньвэнь* были обследованы «БЛС», «БВ», «БМ». Цитаты из сутр в тексте *бяньвэнь*, естественно, не учитывались. Из небуддийских были привлечены «У»¹², «Хань»¹³, «И» «Хуай»¹⁴.

Выбор текстов не случаен: так, среди небуддийских текстов представлены произведения на сюжеты, повествующие об исторических событиях древности (У Цзы-сюй, Хань Цинь-ху), так и затрагивающие события, происходившие в эпоху Тан (Чжан Ичао, Чжан Хуай-шэн). События, связанные с именем Чжан Ичао, относятся к 742–755 гг., с Чжан Хуай-шэнем — ко времени сразу после

¹¹ См. Собрание дуньхуанских *бяньвэнь*, 1957.

¹² Анализу этого текста посвящён ряд исследований и статей, особенно следует отметить полный перевод текста, подробно комментируемый, выполненный известным американским синологом профессором Виктором Мейером. См. Maig, 1983.

¹³ Эти два текста были обследованы в его статье: Яхонтов, 1969.

¹⁴ Не все приведённые тексты в названиях содержат слово «бяньвэнь»: вместо него фигурирует «цзянцзинвэнь» и даже «хуабэнь»; подобные тонкости в отнесении текста к тому или иному поджанру не существенны для задач данной публикации.

755 г., так что произведения о них не могли возникнуть ранее конца VIII — начала IX в.

Для выяснения того, как соотносится язык какого-либо памятника с разговорным языком эпохи, я пользуюсь апробированной методикой, устанавливая соотношение старых и новых служебных слов в примерном соответствии со списком, который в свое время был предложен С.Е. Яхонтовым (Яхонтов, 1969, с. 79–80).

Из сравниваемых текстов *бяньвэнь* для сопоставления взяты следующие страницы текстов или фрагментов: «БЛС» — С. 488–500, «БВ» — С. 517–532, «БМ» — С. 718–725; 756–759, для «У» и «Хань» использованы результаты их обследования, опубликованные в статье Яхонтова (Там же, с. 83), «И» — С. 114–119, «Хуай» — С. 121–127. Данные по двум последним объединены для получения примерно равного объёма сравниваемых текстов.

Вот как выглядят результаты, полученные при сопоставлении: в «БЛС» на 66 древнекитайских служебных слов приходится 45 новокитайских, или 68%; в «БМ» на 73 древнекитайских — 32 новокитайских, или 43%; в «БВ» на 74 древнекитайских — 26 новых, или 35%. При этом большая часть древнекитайских слов, отмеченных во всех трёх текстах, приходится на те, что имеют точные новокитайские (или среднекитайские) эквиваленты: например, старый маркер определения 之 *zhi* вместо нового 的 *di*; 何 *he* ('что?') вместо 甚 (什) *shen* и т.д. Замечу также, что многие новые служебные слова и некоторые конструкции, не вошедшие в список «диагностических», встречаются во всех трех упомянутых выше буддийских текстах, особенно часто — в «БЛС». Примерами могут служить 那 *na* в значении указательного ('тот') и вопросительного ('который?') местоимений, 甚 *shen* ('какой?'), 多少 *duoshao* ('сколько?') вместо 幾 *ji* ('сколько?'), 把 *ba* и 將 *jiang*, вводящими прямое и инструментальное дополнение, 也無 *u ewu* и 也摩 *ye mo* (в конце предложения), выражающие вопрос, и др. «БВ», которая содержит наименьший процент новых служебных слов, входящих в список, при этом неоднократно отмечены конструкции с 把 (將)... 來... *ba (jiang)...lai*, вопросительное местоимение 甚 *shen*, местоимение 3-го лица 他 *ta* и т.д.

Из небуддийских текстов наименьший процент (около 11%) приходится на «У», за ней следуют объединённые при подсчёте служебных слов тексты «И» и «Хуай» (около 17%). Что касается «Хань», то, хотя в ней на 166 древнекитайских слов приходится 127 новых, однако в названное число новых слов входит 77 употреблений одного и того же слова 便 *bian* ('тогда', 'сразу'), таким образом, более правильно считать числом новых слов не 127, а 50, что составляет около 30%.

Приведённые выше статистические выкладки свидетельствуют, что в рассмотренных мной текстах концентрация новокитайских слов в текстах *бяньвэнь* на буддийские сюжеты выше, чем в произведениях небуддийских. Полученные данные позволяют высказать предположение о причине различий между текстами внутри одного жанра *бяньвэнь* по степени отражения ими разговорного языка эпохи: полагаю, причину этого явления следует искать в языковых различиях источников, к которым восходят сюжеты тех и других *бяньвэнь*. Применительно к буддийским сюжетам таким источником явились сутры, язык ранних переводов которых (я пыталась показать это в первой части статьи) представлял собой образец китайского языка, наиболее близкого к разговорному языку своей эпохи. Что касается небуддийских *бяньвэнь* (особенно это относится к «У» и «Хань»), то основами их сюжетов послужили исторические источники, язык которых был далёк от разговорного языка своего времени.

Материал, изложенный выше, безусловно, позволяет сделать вывод, что на протяжении III—X вв. наиболее репрезентативными для исследования разговорного языка являются произведения буддийской литературы: ранние переводы буддийских сутр, буддийские *юйлу* школы чань эпохи Тан и в определённой степени тексты дуньхуанских *бяньвэнь* на буддийские сюжеты.

Список сокращений

- «Бай юй цзин» — 百喻經 Сутра «Бай юй цзин».
 «БВ» — «Бяньвэнь о Вэймоцзе» 維摩詰經講經文.
 «БЛС» — «Бяньвэнь по Лotosовой сутре» 妙法蓮華經講經文.
 «БМ» — «Бяньвэнь о Муляне» 目連變文.
 «Гань Бао» — 干寶。搜神記 Гань Бао (317–420).
 «И» — «Бяньвэнь о Чжан Ичао» 張義潮變文.
 «У» — «Бяньвэнь об У Цзы-сюе» 伍子胥變文.
 «Хань» — «Рассказ о Хань Цинь-ху» 韓擒虎話本.
 «Хуай» — «Бяньвэнь о Чжан Хуай-шэне» 張淮深變文.

ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения).

Список литературы

Источники

- 百喻經 Сутра «Бай юй цзин». Издание: 金陵刻經處, 1914.
 維摩詰經講經文. «Бяньвэнь о Вэймоцзе».
 妙法蓮華經講經文 «Бяньвэнь о Лotosовой сутре».
 目連變文 «Бяньвэнь о Муляне».

- 伍子胥變文 «Бяньвэнь об У Цзы-сюе».
 韓擒虎話本 «Рассказ о Хань Цинь-ху».
 張義潮變文 «Бяньвэнь о Чжан И-чао».
 張淮深變文 «Бяньвэнь о Чжан Хуай-шэне».
 干寶。搜神記 Гань Бао «Записки о поисках духов». Шанхай, 1958.
 敦煌變文集。上, 下。王重民, 王庆菽, 向达, 周一良, 启功, 曾毅公编。人民文学出版社 «Собрание дуньхуанских бяньвэнь» / Сост. Ван Чжун-минь и др. Т. 1—2. Пекин, 1957.
 臨濟錄。柳田聖山訓註。書林其中堂 «Записи бесед Линь-цзи» / Ред., коммент. Янагида Сёйдзан. Токио, 1961.
 劉義慶。世說新語。諸子義成。Лю И-цин. «Рассказы о современниках». Шанхай, 1954. Т. VIII.
 龐士語錄。入矢義高。禪の語錄。7 筑摩書房 Записи бесед мирянина Пана / Ред., коммент. Ирия Ёситака. Токио, 1973.
 太子須大掣經 Сутра о царевиче Судане. 大正新修大藏經, Токио, 1924—1929. Т. IV. № 171, с. 419а—424а.
 常任俠佛經文學故事選. Чан Жэнь-ся. Избранные сюжеты из буддийской литературы. Шанхай, 1958.
 傳心法要。宛陵錄: 入矢義高。禪の語錄。8 筑摩書房 Основные принципы передачи Учения от сердца к сердцу. Записи из [уезда] Юаньлин / Сост., коммент. Ирия Ёситака. Токио, 1969.
 楊銜之。洛陽伽藍記. Ян Сюань-чжи. Записки о лоянских монастырях. Пекин, 1958.

Литература

- Ван Ли. Историческая грамматика китайского языка. 王力。漢語語法史。商務印書館. Пекин, 2000.
 Гао Мин-кай. Грамматические элементы, встречающиеся в юйлу школы чань (дхьяна) эпохи Тан // Яньцзин сюэбао. 高名凱。唐代禪家語錄所見的語法成分。燕京學報. Пекин, 1948. № 34. С. 49—84.
 Гуревич И.С. Ещё раз о бяньвэнь... (заметки) // ПП и ПИКНВ. XVIII. 1983—1985. Ч. III. С. 94—101.
 Гуревич И.С. Очерк грамматики китайского языка III—V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). М., 1974.
 Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., ЛГУ, 1962.
 Зограф И.Т. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.
 Линь-цзи лу. Вступительная статья, перевод с китайского, комментарии и грамматический очерк И.С. Гуревич. СПб., 2001.
 Яхонтов С.Е. Письменный и разговорный китайский язык VII—XIII вв. н.э. // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969.

Chavannes E. Cinq cent contes et apologues extraites du Tripitaka Chinois. V. I–IV. Paris, 1934.

Demiüville P. Les Entretiens de Lin-tsi // Гермис. 1970. Vol. 7.

Gurevich I.S. On the Historical Grammar of the Colloquial Chinese of the Tang Dynasty (based on the Chan-Buddhist *yulu* 語錄). Annual report No XXII, May 1996. The Institute for Zen Studies Hanazono University. Kyoto, c. 1–43.

Mair V.H. Tun-huang Popular Narratives. Cambridge University Press, 1983.

Maspero H. Sur quelques texts anciens de chinois parlé // Bulletin del'Ecole Francaise d'Extrême-Orient. T. 14, nr 4. — Hanoi, 1914. P. 1–36. On Some Texts of Ancient Spoken Chinese / An English Translation from Maspero H. with Comments and Emendation by Ruth Fuller Sasaki, Yoshitaka Iriya and Burton F. Watson.

Yanagida Seizan. The life of Lin-chi I-hsüan / Transl. by Ruth F. Sasaki // The Eastern Buddhist: New Series 1972.

Summary

I.S. Gurevich

The Role of the Buddhist Writings in the Study of the Historical Grammar of the Chinese Language

When starting research on the history of any language the linguist must first tackle the problem of selecting the source-material, since the wider and the more accurate the coverage of a period with relevant texts, the more exact and thorough the description of the language of that particular period. With regard to the language of the Liuchao period is nearly all restricted to translations of Buddhist texts into Chinese as the most representative for the period in question. The source material for the Tang period is based on Buddhist *yulu* of the *dhāna* school. The Tang Dynasty Chan-Buddhist *yulu* can be called the truly representative texts with regard to the colloquial language of the period.

Key words: historical grammar, early translations of Buddhist sutras, Tang Dynasty Chan-Buddhist *yulu*, representative sources, Liuchao period, Tang epoch, Buddhist/non-Buddhist *bianwen*.